

Чжэнь Вэньцзюнь тяжело повалилась на землю, а когда сумела подняться, повозка была уже в сотне шагов от неё. Даже свирепый пёс, поджав хвост, мчался рядом с той изо всех сил, борясь за свою жизнь.

Летающие в воздухе песок и камни, поднятые чёрным смерчем, со свистом били её по лицу и телу, причиняя жуткую боль. Она, стиснув зубы, попыталась встать, как вдруг над её головой с воем пролетел кусок железа, едва не снёсший ей череп. Чжэнь Вэньцзюнь спешно бросилась ниц на землю, и сильный порыв ветра тут же забил ей рот и нос сухой травой.

Позади неистово вращался и ревел гигантский драконий хвост торнадо, угрожая окончательно разнести в щепки величественные руины Чангэ.

– Выпустите меня! Я должен сойти! – старик, которого Чжэнь Вэньцзюнь силой затолкала в повозку, кричал во весь голос. Кучер гнал вовсю, и повозка уже вырвалась в безопасное место, но дед вцепился в дверцу, пытаясь выпрыгнуть на полном ходу. А-Сюй и А-Хэ намертво держали его:

– Вы с ума сошли?! Если прыгнете сейчас, жизни лишитесь! Нельзя туда!

– Я хранитель этого города! Я обязан оберегать оставшееся наследие госпожи Чангэ! Пустите меня! Я не могу бросить город и бежать! Я не смею предать последнее желание госпожи Чангэ!

Обе стороны не понимали ни слова из речей друг друга, но один рвался наружу, а другие отчаянно его держали. Даже без знания языка, через жесты, силу и интонации, их намерения передавались без искажений, внутри мечущейся повозки царило полное взаимопонимание.

– Да этот старый хрыч просто безумен! – А-Ляо уже готова была точным ударом вырубить его, но, обернувшись, увидела, что маленькая девочка сидит с абсолютно каменным лицом, даже не думая останавливать деда.

Смерч закручивался всё быстрее и яростнее, неотступно преследуя повозку. Бурные кони были молоды и полны сил, подстёгиваемые страхом, они неслись всё стремительнее. Однако старый пёс, бежавший вслед за стариком и девочкой, совершенно выбился из сил. Вывалив язык, он замер на месте. Лапы больше не слушались его. Он обречённо смотрел на уносящуюся вдаль повозку, но даже не залаял, лишь преданно и тоскливо глядя ей вслед.

Старик, обливаясь слезами, продолжал рваться наружу, готовый принять смерть, как вдруг девочка резко толкнула его обратно вглубь сиденья:

– Я сама.

Все были заняты тем, что удерживали старика, и никто не ожидал, что вместо деда наружу

сиганёт ребёнок.

Малышка одним махом выпрыгнула, ловко перекувырнулась на земле, вскочила на ноги и, преодолевая яростный напор ветра, упрямо двинулась назад. Шквальные порывы трепали её одежду, утягивая назад, а глаза забивало песком так, что их невозможно было открыть. Но даже в такой смертельной опасности на её лице не было ни тени страха, она шаг за шагом шла прямо к сердцу бури, в самую гущу руин Чангэ.

– Сяо Сяо! – истошно закричал старик, умоляя её вернуться. Поднятый смерчем в небеса хлам в любой миг мог рухнуть вниз и размозжить её крошечное тело в труху.

Сяо Сяо, не ведая страха, ловко уклонялась от летящих обломков и продвигалась вперёд. Огромный чёрный дракон торнадо в её глазах становился всё ближе и отчётливее. Ветер уже едва не отрывал её ноги от земли, как вдруг совсем рядом, прямо в бушующем потоке смерча, она увидела свой маленький барабанчик, промелькнувший перед взором.

Это был далеко не первый раз, когда Сяо Сяо видела подобный смерч.

Она выросла в бескрайней степи и сталкивалась с такими «чёрными драконами» по несколько раз в год. Иногда они были огромными и жуткими, а иногда лишь немного кружили в вышине и бесследно таяли.

С самого рождения они с дедушкой были друг у друга единственной опорой. Весь её мир ограничивался этим мёртвым городом да далёким морским побережьем, которое она часто видела во снах.

Добраться до моря было невероятно трудно. Нужно было скакать верхом целых два дня. Но она была слишком мала и не умела держаться в седле, а дед был слишком стар и не мог запрыгнуть на спину коня, поэтому моря она так ни разу в жизни и не видела.

Старик не был её родным дедушкой. Он часто повторял, что попросту подобрал её в степи, просто кто-то бросил ненужного ребёнка на произвол судьбы. Дед понимал, что скоро умрёт, и ему нужен был преемник, который продолжит вместо него охранять сокровища госпожи Чангэ, и только ради этого он спас ей жизнь.

Когда Сяо Сяо исполнилось шесть лет, она спросила его: «Если бы тебе не нужно было охранять этот город, ты бы спас меня?»

Не задумываясь, дедушка ответил: «Нет».

Впрочем, Сяо Сяо это ничуть не задело. Для неё важным было лишь то, что дедушка был её спасителем. И когда он испустит дух, она займёт его место и останется в Чангэ навсегда. И пусть она даже не знала, как выглядела эта таинственная госпожа Чангэ, о которой без конца

твердил старик; и пусть ей до боли хотелось побывать на далёком побережье, к которому так стремилось её сердце, у неё никогда не было возможности увидеть, как же на самом деле выглядит настоящее море.

Государство Чангэ было для бабушки всем его миром, местом, защите которого он посвятил всю свою жизнь без остатка. И Сяо Сяо не могла позволить чёрному дракону поглотить его.

Она не боялась смерча, но этот «дракон» перед её глазами был куда огромнее и страшнее тех, что ей доводилось встречать прежде. Малышка не знала, сможет ли одолеть это чудовище, но была твёрдо уверена, что обязана попытаться!

Её хрупкое тельце швыряло из стороны в сторону в яростных потоках ветра. Вскинув саблю, она направила остриё в самое сердце смерча и принялась истошно кричать, пытаясь испугать и прогнать чудовище.

Но чёрный дракон не боялся её, он приближался и становился всё больше.

Сяо Сяо уже приготовилась сойтись со смерчем в своей последней битве, как вдруг почувствовала, что её ноги словно налились свинцом. Опустив взгляд, она увидела старого пса. Тот мёртвой хваткой вцепился зубами в её штанину и ни за что не желал отпустить.

– Отпусти меня, А-Мао! – Сяо Сяо изо всех сил задёрнула ногой, пытаясь стряхнуть пса. Но А-Мао не просто не разжимал челюстей, а упрямо, всем телом волок её назад, прочь от опасности.

– А-Мао, не дури! Я должна сразить чёрного дракона! – и девочка, и пёс во всю мочь тянули в разные стороны, и никто не мог одержать верх в этой отчаянной борьбе.

– Да кого ты там ещё сразить удумала, мелкая негодница?!

В тот самый миг, когда Чжэнь Вэньцзюнь вихрем подлетела к ним и сгребла Сяо Сяо вместе с А-Мао в охапку, чудовищный поток ветра подхватил их всех и с лёгкостью швырнул прямо в небеса.

Сяо Сяо и А-Мао истошно завопили от ужаса. Чжэнь Вэньцзюнь что было мочи закричала:

– Держитесь крепче! – и мёртвой хваткой вцепилась в подвернувшийся под руку древесный ствол.

Сяо Сяо обхватила Чжэнь Вэньцзюнь за пояс, а А-Мао зубами впился в одежду девочки, и втроём вместе с псом их мотало на ураганном ветру, словно длинную оборванную тряпку. Найти такое дерево посреди бескрайней степи уже само по себе было великим чудом. Пусть ствол был совсем тонким, но именно это деревце сейчас спасало им жизни. Однако Чжэнь

Вэньцзюнь вскоре с ужасом почувствовала, что их спасительное укрытие начинает угрожающе крениться и шататься. Дерево в любой миг могло вырвать с корнем.

Так продолжаться не могло, это верная гибель!

Чжэнь Вэньцзюнь изо всех сил пыталась перехватить ствол поудобнее, но тщетно. Открыть глаза в этом бешеном потоке тоже было невозможно. В мыслях завертелось горькое осознание полной беспомощности перед стихией.

Нужно было что-то предпринять, ведь если смерч затянет их в самый свой центр, живыми им оттуда не выбраться.

Превозмогая дикую боль в глазах, Чжэнь Вэньцзюнь попыталась осмотреться. Чуть поодаль, прямо по направлению ветра, высились два огромных валуна, застывших в буре непоколебимо и грозно. Если бы ей удалось изловчиться и намертво заклинить древесный ствол между этими камнями, у них появился бы призрачный шанс уцелеть.

Шанс был всего один. Если ветер хоть немного переменит направление или у неё сорвутся руки, то смерть заберёт их всех без разбора.

Выбора не оставалось, нужно было поставить на карту всё!

Едва Чжэнь Вэньцзюнь приняла это решение, как хлипкое деревце с оглушительным треском выдрало из земли с корнем. Всю их троицу вместе с псом, точно бумажного змея с оборванной нитью, в тот же миг потащило вверх и назад, прямо в пасть урагана. Сяо Сяо со слезами и криками зажмурилась и ещё сильнее стиснула объятия, буквально вжавшись лицом в спину Чжэнь Вэньцзюнь. Пёс А-Мао замер точно в такой же позе, мёртвой хваткой держась зубами за хозяйку. Сама Чжэнь Вэньцзюнь едва контролировала собственные движения, а от того, как сильно эти двое её сковали, она чуть было не задохнулась.

Вокруг в бешеном танце кружились тучи песка, земли и бог весть откуда взявшейся домашней утвари - казанки и плошки то и дело с глухим стуком прилетали Чжэнь Вэньцзюнь прямо по голове. Разглядеть, где находятся те два валуна, в этой кромешной круговерти было невозможно. Теряя силы от боли и ярости, Чжэнь Вэньцзюнь, полагаясь лишь на чутьё и осязание, резко выставила вырванный ствол вперёд, пытаясь зацепиться за камни.

Удар пришёлся в пустоту.

Сердце Чжэнь Вэньцзюнь пропустил удар: неужели промахнулась? Всё кончено?

И как раз в тот миг, когда её душу сковала паника, руки ощутили мощнейший толчок. Рывок был такой силы, что она сумела увлечь себя, Сяо Сяо и пса обратно к земле. Получилось! Нам действительно улыбнулась удача! Дух Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно воспрянул. Крепко сжимая

ствол дерева, она затащила всю компанию в спасительную расщелину между гигантскими валунами, намертво зафиксировав их тела, чтобы ураган не унёс их снова.

Когда яростный смерч наконец пронёсся мимо, оставив после себя лишь развороченную, истерзанную землю, Чжэнь Вэньцзюнь и Сяо Сяо смогли наконец перевести дух. Обе они сидели в пыли, а их волосы были растрёпаны и похожи на вороньи гнзда.

– Гав! Гав-гав! – А-Мао звонко залился лаем, глядя куда-то вдаль. Обессиленная Чжэнь Вэньцзюнь, распластавшаяся на траве, сквозь шум в ушах уловила смутно знакомый, родной голос Вэй Тинсюй.

– Я здесь... – Чжэнь Вэньцзюнь слабо приподняла руку, откликаясь на зов едва слышным шёпотом.

Ориентируясь на лай А-Мао, поисковый отряд поспешил к камням, и Вэй Тинсюй шла впереди всех.

Заметив, какими быстрыми шагами та приближается, как отчаянно придерживает руками поясницу и с каким глубоким, неистовым волнением всматривается в каждый клочок земли, Чжэнь Вэньцзюнь превозмогла слабость и резко поднялась на ноги.

Вэй Тинсюй лихорадочно обводила взглядом это опустошённое бурей пепелище, пока наконец её взор не замер на фигуре любимой. В тот же миг миллионы страшных, леденящих душу догадок, терзавших её разум, рассыпались в прах и бесследно исчезли.

Видя, как постепенно разглаживаются и смягчаются черты лица Вэй Тинсюй, Чжэнь Вэньцзюнь со всех ног бросилась ей навстречу и успела подхватить её под руки в самую последнюю секунду, прежде чем та бессильно пошатнулась. Сама Чжэнь Вэньцзюнь тоже была истощена до предела, и в итоге обе они мягко повалились прямо на степную траву.

– Удача на моей стороне, само небо не пожелало моей смерти, – Чжэнь Вэньцзюнь широко и счастливо улыбнулась, обнажив зубы.

– Не небо не пожелало твоей смерти, а я не позволила, – тихо ответила Вэй Тинсюй и первая порывисто прильнула к её губам. Чжэнь Вэньцзюнь нежно ответила на поцелуй. И в тот самый миг, когда обе они со всей страстью растворились друг в друге, позабыв обо всём на свете, Чжэнь Вэньцзюнь почувствовала, что за ними кто-то пристально наблюдает. Слегка приоткрыв глаза, она обнаружила, что Сяо Сяо и пёс А-Мао уселись по обе стороны от них и, не моргая, уставились на их ласки.

– Кхм, – Чжэнь Вэньцзюнь поспешно отстранилась и помогла Вэй Тинсюй подняться. Ткнув пальцем куда-то вдаль, она громко произнесла на языке Центральных равнин:

- Твой дедушка вон там!

Сяо Сяо же на чистейшем наречии Чангэ ответила:

- Ты ведь умеешь говорить на нашем языке, ты сама только что кричала. А что это вы сейчас делали? Рот в рот.

Малышка, не сводя с неё прямого взгляда, без умолку затараторила кучу слов, значения которых Вэй Тинской не знала. Она с лёгким сомнением спросила:

- О чём лопочет эта маленькая барышня?

Чжэнь Вэньцзюнь сделала круглое лицо и картинно изумилась, будто только что заметила, что ребёнок обращается к ней:

- А? Что ты там лепечешь, малявка? Дедушка твой вон там, вон там! Ступай скорее к своему деду!

Повозка тем временем развернулась и подъехала ближе. А-Ляо и её спутники поспешили спуститься на землю, старик тоже сполз с подножки. Увидев, что Сяо Сяо и старый пёс целы и невредимы, он залился слезами. Намереваясь со всех ног броситься к внучке, он вложил в этот порыв все свои силы... и проковылял вперёд ровно на один цунь.

А-Ляо едва не взвыла от его черепашьего хода. Не выдержав, они с А-Сюй подхватили деда под мышки и в один миг дотащили его прямо к девочке.

- Дедушка, - тихо произнесла Сяо Сяо. - Прости меня, у меня не вышло сразить чёрного дракона, он сбежал.

Старик зашёлся в яростном приступе кашля, затем мучительно замахал руками и устремил взор на руины Чангэ, которые после набега смерча изменились до неузнаваемости, растеряв последние очертания былого величия. Он долго молчал, прежде чем из его груди вырвался надрывный шёпот:

- На то воля небес... Всё воля небес. Эх... Подумать только, я охранял это место столько лет, но в итоге... в итоге не сумел уберечь даже те жалкие крупницы, что оставались от Чангэ. Нашей родины... больше нет. Совсем нет...

Старик рухнул лицом в пыль, безутешно и горько рыдая. Чжэнь Вэньцзюнь понимала каждую причину его плача, и от его горьких причитаний в её собственном сердце защемило от тоски.

- Почтенный старец, всё, что осталось в прошлом, там и должно остаться. Сейчас самое

главное смотреть вперёд, – Чжэнь Вэньцзюнь опустилась на колени рядом с ним. Сперва она утешила его на языке Центральных равнин, а затем едва слышным шёпотом добавила на наречии Чангэ:

– Если бы предки знали, что спустя столько лет вы всё ещё со всей преданностью оберегаете эту память, они бы непременно возгордились вами.

Старик ещё долго лежал ниц, бьющейся в поклонах, после чего с помощью Чжэнь Вэньцзюнь наконец поднялся на ноги.

В этот момент Сяо Сяо внезапно опустилась на колени и принялась неистово бить лбом перед Чжэнь Вэньцзюнь.

– Да что ты делаешь? – у Чжэнь Вэньцзюнь чуть было не сорвались с языка слова Чангэ, но она вовремя спохватилась и перешла на язык Великой Юй.

Между ними будто бы возникло некое молчаливое понимание. Пусть они говорили на разных языках, но прекрасно улавливали мысли друг друга.

– Ты спасла Сяо Сяо жизнь, и по всем законам чести она обязана выказать тебе высшее почтение. Так что прими её поклон, – произнёс старик.

А-Хэ лукаво улыбнулась:

– Наверное она так благодарит тебя за то, что ты вытащила её из бури?

Чжэнь Вэньцзюнь покачала головой:

– Я и не думала её спасать. Это она сама мёртвой хваткой вцепилась в меня, так что она спасла себя сама. Ладно, хватит тебе кланяться, поднимайся. Посмотри, весь лоб себе уже расшибла.

Старик долго и пристально смотрел на Сяо Сяо, затем перевёл взгляд на Чжэнь Вэньцзюнь, которая спасла их обоих и даже пса А-Мао, и медленно произнёс:

– Сяо Сяо, ступай вслед за своей спасительницей.

Девочка мгновенно вскинула голову, её глаза округлились от безграничного изумления:

– Дедушка... Ты что, прогоняешь меня?

Старик тяжело и прерывисто задышал, попытался зайти в кашле, но у него уже просто не

осталось на это сил.

– Отведи... меня... в город.

Старик больше не мог сделать ни шагу, и Сяо Сяо уже вознамерилась тащить его на собственной спине. Чжэнь Вэньцзюнь не выдержала, видя, как мучается этот маленький ребёнок, и вызвалась сама нести деда.

– Зачем ты так упрямо рвёшься обратно? – негромко спросила Чжэнь Вэньцзюнь у старика.

Тот лишь мучительно приоткрыл рот, но не смог выдать ни звука. Недавняя буря и потрясения окончательно истощили остатки его жизненных сил. Прошло довольно много времени, и Чжэнь Вэньцзюнь уж было показалось, что он испустил дух, как дед едва слышно прошептал:

– Налево...

Сяо Сяо всю дорогу мёртвой хваткой держалась за край одежды Чжэнь Вэньцзюнь, не отпуская её ни на шаг. Пёс А-Мао бежал впереди всех, то и дело оборачиваясь и заливаясь коротким лаем, словно до смерти боялся, что они свернут не туда.

Казалось, А-Мао прекрасно знал, что на уме у его хозяина и куда именно тот держит путь.

Вэй Тинсюй и её спутники неотступно следовали за ними. Перебираясь через груды обломков и камней, они с великим трудом продвигались в глубь мёртвого города.

К этому моменту солнце окончательно скрылось за горизонтом. Кучер зажёл факел и пошёл во главе отряда, послушно следуя туда, куда указывал пёс А-Мао, и освещая дорогу путникам.

– Похоже, он ведёт нас к какому-то тайнику, – подметила А-Сюй.

Услышав это, А-Ляо мысленно ахнула:

Неужели это и есть то самое тайное искусство, позволяющее женщинам рожать от женщин?

Сгорая от нетерпения, А-Ляо пошла ещё быстрее. Вскоре А-Мао и едва живой старик привели их к подножию полуразрушенного величественного дворца. Старик знаками попросил Чжэнь Вэньцзюнь спустить его на землю. Он желал преодолеть этот путь на собственных ногах, чтобы выказать священное почтение госпоже Чангэ.

Чжэнь Вэньцзюнь не стала ему перечить и аккуратно опустила его на мостовую.

Старик практически не мог идти, поэтому он опустился на колени и шаг за шагом пополз вверх по ступеням.

Он был самым преданным и ревностным последователем культа госпожи Чангэ. Вглядываясь в его исхудавшую, крошечную спину, Чжэнь Вэньцзюнь невольно задалась вопросом: насколько же блистательным и могущественным было когда-то это государство? И каким величием обладал их владыка, если сумел взрастить в сердцах своих подданных столь несокрушимую, вековую верность? Сейчас она ни в коем случае не могла подойти и помочь ему, ведь это стало бы грубым осквернением его священного долга и преданности.

Старик с великим трудом карабкался по каменной лестнице, а Сяо и пёс А-Мао неотступно следовали по обе стороны от него, оберегая его до самого верха, пока он не достиг входа в полуразрушенный зал. Поднявшись на вершину, старик пал ниц перед высокими каменными плитами. Чжэнь Вэньцзюнь отрешённо подняла взгляд на руины, и в ту же секунду её дыхание перехватило, а взор намертво застыл. Прямо перед собой она увидела до боли знакомый символ.

В самом центре уцелевшей каменной стелы перед разрушенным залом был высечен отчётливый узор в виде священной птицы Сюаньяо. Он был точь-в-точь похож на ту самую птицу, сплетённую из сухой травы, которую она когда-то нашла в потайном кабинете Се Фучэня!

Сердце Чжэнь Вэньцзюнь бешено заколотилось в груди, и она глубоко, судорожно вздохнула.

В своё время она поручила Бу Цзе досконально разузнать о происхождении своей покойной матери, но и в страшном сне не могла представить, что во время этого похода ради открытия Тракта Ваньсян она своими ногами ступит на родную землю той. Чангэ, Чангэ...

«Сотни рек текут на восток, впадая в бескрайнее море, но когда же они повернут вспять и вернуться на запад?»

Только сейчас Чжэнь Вэньцзюнь до конца осознала глубокий, сокровенный смысл старинной народной баллады, которую её матушка так любила напевать в её детстве и которой сама она тогда не придавала никакого значения. Из её глаз безудержно хлынули слёзы.

– Вэньцзюнь? – заметив её слёзы, Вэй Тинсуй в полном недоумении протянула ей шёлковый платок.

– Их государство давно обратилось в прах, однако этот старец по-прежнему хранит ему непоколебимую верность. Подобная преданность ранит сердце, – поспешила оправдаться Чжэнь Вэньцзюнь.

И пусть родная земля её матери превратилась в безжизненные руины, это путешествие ради «поисков тайного искусства» принесло богатые плоды. Чжэнь Вэньцзюнь теперь знала, что

предки «А-Цюн» были выходцами из Чангэ. Но что ещё важнее - это помогло ей осознать, что Се Фучэнь не лгал.

Та маленькая, одинокая могилка на горе Ляоси действительно принадлежала её матери. Се Фучэнь и впрямь близко знал её маму.

Значит, маму действительно звали А-Цюн, и она была потомком рода «Су Лань».

Что означает Су Лань? Было ли это чьим-то именем?

Вероятно, когда-то человек по имени Су Лань увёл за собой целое племя жителей Чангэ прочь с родных земель в Великую Юй. Может, они попросту устали от бесплодных, выжженных степей, а может, мечтали завоевать новые, бескрайние просторы или, подобно им самим, хотели заново открыть Тракт Ваньсян. Род Су Лань покинул величественную, но пустую степь Гулунь ради нового государства, и именно благодаря этому произошло всё то, что случилось после, именно благодаря этому Чжэнь Вэньцзюнь стала той, кем являлась сегодня.

Покачиваясь в повозке на обратном пути, Чжэнь Вэньцзюнь без конца ломала голову над одним-единственным вопросом.

Кем же на самом деле приходились друг другу её мамушка и Се Фучэнь?

«Ты ненавидишь меня?»

Перед смертью Се Фучэнь не пожелал видеть ни единую душу во всей Поднебесной. Он призвал лишь её одну, чтобы задать этот странный вопрос.

Этот вопрос казался ещё более зловещим и жутким после того, как она наткнулась на надпись «Могила старого друга А-Цюн». Если священная птица Сюаньяо была тотемом и символом народа Чангэ, то Чжэнь Вэньцзюнь непременно должна была видеть этот узор у своей матери. Се Фучэнь же бережно хранил этот знак в тайнике своего кабинета, сокрытым между страниц старинных книг. Та птица, сплетённая из сухой травы, была создана из одного-единственного стебелька. Искусное, тонкое плетение выдавало руку мастера, обычный человек не смог бы сотворить подобное. Такую вещь мог свить лишь тот, для кого этот символ был частью его собственной жизни.

Это сплела её мама.

Чжэнь Вэньцзюнь больше не могла обманывать себя.

Травяная птица Сюаньяо, которую так трепетно оберегал Се Фучэнь, с огромной вероятностью была сотворена тёплыми руками её собственной матери.

Поразительное, едва уловимое сходство в чертах лица Се Фучэня и Се Тайхана.

И её собственное, крошечное, едва заметное сходство с Се Тайханом.

А значит, между ней и Се Фучэнем...

«Ты ненавидишь меня?»

«Что ж, это к лучшему. К лучшему...»

«А-Лай. Это детское имя, которое подарила тебе твоя мать. Тебе не следовало отречься от него».

В полузабытьи, в объятиях душного, кошмарного сна, Чжэнь Вэньцзюнь вновь оказалась в тесной, сырой камере подземной тюрьмы. Се Фучэнь по-прежнему стоял прямо перед ней.

Во сне она яростно кричала ему в ответ: «Я не А-Лай! Матушка никогда не звала меня этим именем! Отныне на свете будет жить лишь Чжэнь Вэньцзюнь, никакой А-Лай больше нет!»

«Ты ненавидишь меня?» – Се Фучэнь продолжал давить на неё.

«Ненавижу! Конечно, ненавижу!»

«Ты ненавидишь меня?»

Се Фучэнь смотрел на Чжэнь Вэньцзюнь своими пронзительными, видящими всё насквозь глазами, полными слёз, и повторял этот вопрос снова и снова. И один раз Чжэнь Вэньцзюнь не смогла ответить.

«Ты ненавидишь меня? Нет, человек, которого тебе следовало бы ненавидеть, вовсе не я. Ты ведь и сама чувствуешь, что всё вокруг начинает смердеть ложью. Ты ведь понимаешь, что в этой истории концы не сходятся с концами, а совпадений слишком много, чтобы они были правдой.»

Чжэнь Вэньцзюнь резко открыла глаза, тяжело дыша. Всё её тело было мокрым от холодного пота.

Сяо Сяо без усталости трясла её за плечо.

– Х-м? Что случилось? – Чжэнь Вэньцзюнь с трудом сбросила оковы сна, но липкое чувство паники и беспомощности из ночного кошмара по-прежнему тяжёлым камнем давило на грудь.

По привычке бросив быстрый взгляд на спящую подле неё Вэй Тинсюй, она шёпотом обратилась к девочке.

– Писать, – коротко бросила Сяо Сяо.

Вэй Тинсюй к этому моменту тоже проснулась и, приоткрыв глаза, безмолвно наблюдала за ними.

– Чего? – переспросила Чжэнь Вэньцзюнь.

Сяо Сяо повторила:

– Псык-псык.

– А-а, тебе нужно в туалет. Дядя Фу, придержи коней на минутку! – громко крикнула Чжэнь Вэньцзюнь, заставляя повозку замереть.

Внутри повозки А-Сюй и А-Хэ спали без задних ног, бесцеремонно закинув руки и ноги прямо на А-Ляо. Сама А-Ляо лежала плашмя, мёртвой хваткой прижимая к груди деревянный ларец, словно величайшую драгоценность в мире. Спускаясь вслед за Сяо на землю, Чжэнь Вэньцзюнь едва сдержала смех при виде этой картины.

Тогда, у подножия древнего храма, А-Ляо даже не обратила внимания на узоры, высеченные на каменных перилах. Но стоило ей заполучить в руки этот заветный деревянный коробок, как она в полном восторге уставилась на вырезанную на крышке птицу Сюаньяня и радостно закричала: «Да-да-да, это тот самый знак! Мы не ошиблись местом!»

Вот только ларец был заперт наглухо, и как бы А-Ляо ни ломала голову, как бы ни крутила его в руках, но открыть сокровище ей так и не удалось.

Два дня назад старик, охранявший город, откопал этот деревянный ларец из самых глубин главного зала, и вскоре после того, как передал его Чжэнь Вэньцзюнь, умер. Перед смертью он велел Сяо Сяо опуститься на колени и признать Чжэнь Вэньцзюнь своей матерью. Сяо Сяо без колебаний выполнила его последнюю волю.

Вэй Тинсюй спросила:

– Как она тебя назвала?

– Я и сама не знаю! – у Чжэнь Вэньцзюнь по-настоящему раскалывалась голова. Как можно так запросто признавать кого-то матерью? Неужели нельзя было назвать А-Цзэ? Да лучше бы даже тётей, но не матерью.

Старик, собрав последние остатки сил, сказал Чжэнь Вэньцзюнь:

– Сяо Сяо с самого детства росла сиротой и больше всего на свете мечтала увидеть море. А я слишком стар и не могу отвезти её туда. Возвращаясь на Центральные равнины, вы, должно быть, будете проезжать мимо моря. Не могли бы вы... не могли бы вы взять её с собой, чтобы она взглянула на него... пусть даже одним глазком...

Сяо Сяо была смышлёным ребёнком. Понимая, что старику осталось недолго, она не тратила время на пустые слова утешения, а просто сидела рядом и тихо плакала.

Видя, как Сяо Сяо всхлипывает, и заметив огромный красный синяк у неё на лбу, Чжэнь Вэньцзюнь подумала, что в этой маленькой несчастной девочке есть какое-то упрямство. Чжэнь Вэньцзюнь взъерошила ей волосы, и у неё самой на душе стало тоскливо.

– Ладно, я возьму её с собой. Но пусть больше не зовёт меня матерью, я не хочу так быстро обзаводиться взрослой дочерью.

Старик вытянул шею и спросил:

– Значит, ты согласна?

Чжэнь Вэньцзюнь кивнула.

– Сяо Сяо не хочет оставлять дедушку, – услышав, что Чжэнь Вэньцзюнь согласилась, Сяо Сяо заплакала ещё сильнее.

– Ступай, тебе редко везёт встретить добрых людей... Пусть она и потомок Су Лань, но я твёрдо уверен, что она хороший человек и не обидит тебя. Ты не должна принадлежать одной лишь степи Гулунь. Ты ещё молода, зачем тебе пропадать здесь впустую? Тебе нужно увидеть внешний мир. Наследие госпожи Чангэ я вверяю тебе...

Сяо Сяо похоронила старика в городе Чангэ. Она хотела забрать с собой А-Мао, но пёс отказался. Он устроился у маленькой могилы старика, пару раз поскрёб её лапой и, не получив никакого ответа, просто лёг на землю.

– Дедушка охраняет Чангэ, а А-Мао охраняет дедушку, – Чжэнь Вэньцзюнь незаметно выросла за спиной Сяо Сяо и легонько постучала костяшками пальцев по её затылку. – Пойдём, я отвезу тебя посмотреть на море.

Кое-как уговорив Сяо Сяо уйти, они сели в повозку. Девочка была голодна и измотана. Чжэнь Вэньцзюнь услышала, как у неё громко урчит в животе, и, словно увидев в ней прежнюю себя, с улыбкой протянула ей вяленую баранью ногу.

- Мама такая добрая.

- ...Не называй меня так.

С тех пор Сяо Сяо неотступно следовала за Чжэнь Вэньцзюнь, буквально ходила за ней хвостиком, не отлучаясь ни на миг.

Чжэнь Вэньцзюнь много раз повторяла ей: «Не зови меня матерью, я тебе не мать», но Сяо Сяо никак не могла переучиться.

- Она постоянно ходит за тобой, неужели правда считает тебя матерью? - у всех народов мира слово «мама» звучит почти одинаково. Сяо Сяо звала её так постоянно, и Вэй Тинсюй всё это прекрасно слышала. Чжэнь Вэньцзюнь тоже сокрушалась:

- Как думаешь, у этого ребёнка всё в порядке с головой? Я всего лишь случайно спасла её, а она взяла и признала меня матерью? Разве можно так запросто бросаться подобными словами!

Вэй Тинсюй едва заметно улыбнулась:

- Похоже, в государстве Чангэ действительно существует свой особенный способ заводить детей, только твой ребёнок сразу родился довольно большим.

- Да ладно тебе. А-Ляо уже забрала тот ларец и теперь круглосуточно чахнет над ним. И пусть открыть его не получается, А-Ляо словно помешалась и свято верит, что внутри сокрыто то самое тайное искусство, позволяющее женщинам рожать от женщин.

Вэй Тинсюй спросила:

- И девочка так просто отдала его ей?

- Она увидела, что А-Ляо дорожит этим ларцом сильнее, чем она сама, и ничего не сказала. К старику она была привязана всем сердцем, а вот к самому государству Чангэ особых чувств не питала. Только вот кому бы теперь сбыть этого ребёнка. Цзычжо, не сердись, как только я всё обдумаю, сразу её куда-нибудь пристрою! Пусть её и бросили в детстве, и вряд ли её ждёт лёгкая жизнь, но если её кто-то заберёт на воспитание, это уже будет огромной удачей, верно? Не можем же мы таскать её за собой. Кроме как махать саблями, у неё, кажется, больше нет никаких особых талантов.

- Хватит, - остановила её Вэй Тинсюй. - Оставь её себе, с чего бы мне сердиться. К тому же раз она зовёт тебя матерью, как ты можешь её прогнать? Оставить ребёнка у себя и как следует

воспитать - вовсе не худшая мысль, ведь с тем тайным искусством деторождения, похоже, ничего не выгорело.

А-Ляо, которая как раз услышала эти слова, тут же разрыдалась в три ручья, и А-Сюй с А-Хэ пришлось долго уговаривать её, прежде чем она успокоилась.

Автору есть что сказать:

История снова возвращается в Великую Юй, и впереди нас ждут новые политические интриги.

<http://bllate.org/book/17227/2112711>